

тия: их было «толико множество, якоже ум превосходящ». Попад «в землю татарскую», путешественники сначала испытывали страх: «нача нас страх обдержати». Но жители встретили их дружелюбно, расспросили, откуда они, и напоили их молоком (вероятно, кумысом): «И сиде с миром в тишине плавахом».

Достигнув Азова, путники пересели на корабль и двинулись морем к Царьграду. После ряда неприятностей, причиненных им в дороге итальянцами, они добрались до своей конечной цели. На этом заканчивается первая часть записей Игнатия.

Прошло около двух столетий со времени описанного путешествия. В Москве было задумано грандиозное предприятие: составление Лицевого летописного свода. Наряду с краткими летописными сведениями в него вошли и отдельные повести. Среди них и «Хождение Пиминово в Царьград». Оно было снабжено миниатюрами. Выбор тем для них характеризует художника. Он остановился на том, что привлекло особенное внимание Игнатия при описании пути: природа донских степей.

На одной из миниатюр (рис. 1) мы видим три струга, спускающихся по реке. Струги изображены довольно верно, на носовых частях их помещены даже «казенки», т. е. каюты. Отступлением от истины является лишь измененная форма судов: приподнятые носовые и кормовые части, отсутствие палуб. Получается впечатление, что люди сидят прямо на дне судна и тесно прижаты друг к другу. Впрочем, некоторые из этих погрешностей могут быть отнесены за счет недостатка места, с которым должен был считаться иллюстратор. Среди путников видим митрополита Пимена (в белом клобуке), рядом с ним помещена фигура пожилого человека, указывающего ему на берег, вероятно обращающего его внимание на находящиеся там зверей. Кого изобразил художник, установить трудно. Судя по шапке с околышем, это не может быть монах Игнатий. Правильно изображено наклонное положение реки, указывающее на направление ее течения.

Самым интересным является изображение фауны побережья Дона, так подробно описанной Игнатием. Слева мы видим медведя и волков, несколько лошадей (упоминаемых Игнатием не в этом перечне, а при перечислении состава татарских стад). Вероятно, художник сам не видел лосей; изображенные им животные с ветвистыми рогами скорее похожи на благородных оленей, чем на огромных, с массивными головами лосей. Много внимания уделено также птицам. В верхней части миниатюры на вершинах гор помещаются хищные птицы — очевидно, это орлы, о которых упоминает Игнатий. В нижней части рисунка весь берег усеян многочисленными птицами, здесь мы видим и лебедей, и гусей, и журавлей. Из вод реки сзади стругов выглядывают две звериные головы. Кому они должны принадлежать, неясно; из текста Хождения этого не видно. Может быть, это изображения выдры и бобра — водяных животных, упоминаемых в перечне Игнатия. Изображения прибрежных скал и одностипных островерхих деревьев носят условный, лишенный конкретности характер.

На другой миниатюре (рис. 2), изображающей часть среднего течения Дона, в том месте, где в него впадает Тихая Сосна, мы видим тот же пейзаж с деревьями и скалами, те же три струга с сидящими в них спутниками. Центральную часть рисунка занимают пять высоких и узких белых зданий с купольными покрытиями и с дверями; в одном имеется еще и окно. Эти изображения вызывают у нас недоумение: до такой степени они не вяжутся с теми «столпами каменными белыми», т. е. меловыми горами, о которых пишет Игнатий. Очевидно, художник никогда не бывал в этих местах и не мог ничего знать об окружающих Дон меловых образованиях, кое-где подступающих к самой реке. Его изображения больше